



PROJECT MUSE®

---

Муфтият, которого не было

Анастасия ГАНИЧ

Ab Imperio, 4/2011, pp. 261-278 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0027>



➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467009>

**Анастасия ГАНИЧ**

## **МУФТИЯТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО\***

Расширение границ Российской империи на юг и постепенное с конца XVIII в. включение в ее состав территорий с преобладавшим мусульманским населением повлекло за собой целый ряд правительственных мер, направленных на организацию государственного управления в новых провинциях. Многие начинания были воплощены в жизнь, но часть задуманного так и осталась на бумаге как по объективным причинам, так и из-за несоответствия тактическим задачам бюрократических элит. Среди нереализованных инициатив обращают на себя внимание проекты по организации Духовного управления мусульман Северного Кавказа.

С момента включения Северного Кавказа в состав Российской империи перед чиновниками царской администрации стал вопрос о методах и формах религиозного управления мусульманским населением. Наиболее ранней попыткой подобного рода, по мнению современного российского историка Д. Ю. Арапова, являются “Правила по управлению покорными горцами северных покатостей Кавказа”, подготовленные в 1830-х гг. начальником Кавказской области (с центром в Ставрополе)

---

\* Я благодарю своего учителя В. О. Бобровникова за чуткое руководство и направление моего внимание на исследование новых сюжетов, раскрывающих историю институализации ислама на российском Кавказе в имперский период. Я выражаю признательность А. М. Семёнову и членам редколлегии журнала *Ab Imperio* за ценные рекомендации и советы, данные мне в ходе переработки первоначального варианта статьи.

генералом А. А. Вельяминовым.<sup>1</sup> Последним стало “законодательное предположение” об учреждении Северокавказского муфтията, с которым в декабре 1913 г. выступили 39 депутатов IV Государственной думы (15 ноября 1912 г. – 25 февраля 1917 г.).

Рассмотрению этого законодательного проекта 1913 г. посвящается данная вступительная статья, которая предваряет его публикацию. Анализ следует начать с освещения общих тенденций, которым следовали власти Российской империи при обсуждении вопроса о государственном регулировании религиозной жизни иноверческого населения. Для понимания значения публикуемого документа необходимо представить историю других проектов организации духовной жизни мусульман Северного Кавказа в рамках старой системы имперского управления до первой русской революции и появления органа политического представительства в ходе революции.

Главным правительственным учреждением, регулировавшим деятельность мусульманских структур в России был Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ)<sup>2</sup> в Министерстве внутренних дел. Круг вопросов, входивших в его компетенцию, был довольно обширен и включал в себя организацию управления духовными делами мусульман, образование мусульманских приходов, постройку и открытие мечетей, мусульманскую печать, мусульманские учебные заведения, имущество мусульманского духовенства, воинскую повинность мусульман и др.<sup>3</sup> Для сбора необходимой информации департамент соотносился с другими центральными и местными ведомствами и учреждениями империи. В конце XIX – начале XX в. конкурирующей структурой стало Военное министерство, курировавшее Туркестанский край и в большой степени Северный Кавказ. Внимание чиновников азиатской части Главного штаба было направлено на контроль над связями и контактами российских мусульман с зарубежными религиозными центрами (Османская Турция, Иран, Британская Индия и др.). Третьим государственным органом,

<sup>1</sup> “Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере”. Генерал А. А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа, 1837 // Императорская Россия и мусульманский мир / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва, 2006. С. 63-66.

<sup>2</sup> Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (1810–1917); Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий (1810–1832) – как отдельное министерство; временно был выведен из состава МВД (1880–1888).

<sup>3</sup> Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д. Ю. Арапов. Москва, 2001. С. 24.

вплотную занимавшимся мусульманским вопросом, был Азиатский (с 1897 г.) департамент Министерства иностранных дел.<sup>4</sup> Таким образом, уже в структуре институтов имперской политики, которые затрагивали в своей деятельности “мусульманский вопрос”, мы наблюдаем размывание границы между собственно внутренней и внешней политикой Российской империи. Этот общий тезис давно высказывался исследователями Российской империи (А. Рибер<sup>5</sup>). Анализ истории обсуждения различных проектов введения Северокавказского муфтията также выявляет значительную роль внешнеполитического фактора и разногласие идеологов и бюрократов Российской империи в постановке, продвижении или откладывании решения “мусульманского вопроса”. Это разногласие неизбежно направлялось на Османскую империю и Иран, которые в понимании центральных и региональных институтов имперского управления были территориально и культурно сопряжены с российским Кавказом.

На раннем этапе включения северокавказского региона в состав империи “мусульманская” политика в значительной степени определялась ведением длительных военных действий как на самом Северном Кавказе (Кавказская война, 1817–1864), так и с соседними державами – Османской империей и Ираном. Именно поэтому вопрос о создании особого Северокавказского муфтията не мог обсуждаться вплоть до окончательного “замирения” края. С утверждения “Проекта положения об управлении Дагестанской области” (1860) в Дагестане начала действовать военно-народная система управления.<sup>6</sup> Попытка кавказского наместника князя А. И. Барятинского (1856–1862) распространить отдельные положения этой системы на Северо-Западный Кавказ не увенчалась успехом. Здесь в 1870–1880-х гг. произошел переход сначала к общегражданскому, а вскоре к военному управлению.<sup>7</sup>

Многочисленная группа последователей суннитского ислама, проживавшая на Северном Кавказе (Дагестанская, Кубанская и Терская

---

<sup>4</sup> Д. Ю. Арапов. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Москва, 2004. С. 148.

<sup>5</sup> Alfred Rieber. The Historiography of Imperial Russian Foreign Policy: A Critical Survey // Hugh Ragsdale (Ed.). Imperial Russian Foreign Policy. New York, Cambridge, 1993. Pp. 315-359.

<sup>6</sup> В. О. Бобровников. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. Москва, 2002. С. 154.

<sup>7</sup> Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. Москва, 2007. С. 198.

области, Черноморская и Ставропольская губернии<sup>8</sup>), формально находилась под контролем Оренбургского магометанского духовного собрания, образованного еще в 1789 г.<sup>9</sup> Однако это подчинение не приносило ощутимых результатов. Причинами назывались обширность подведомственной территории (по мнению Военного министерства), незавершенность процесса передачи региона в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания (по заявлению его главы) и туманная формулировка в самом законе, который явно не соответствовал изменившимся реалиям, а также позиция Министерства внутренних дел, которое предпочитало держать под контролем и ограничивать контакты северокавказских мусульман с Оренбургским магометанским духовным собранием.<sup>10</sup> Оренбургский муфтий не вмешивался в дела мусульман Северного Кавказа, за исключением случаев, когда по требованиям правительственных структур нужно было давать шариатские разъяснения по тем или иным вопросам.

Официальные запросы и жалобы на решения местных *кади*<sup>11</sup> направлялись также в Закавказское суннитское духовное правление, созданное в 1872 г., но и это не обеспечивало необходимого для государства уровня упорядочения и надзора за деятельностью мусульманского “духовенства”. Начальники северокавказских областей с сожалением признавали, что местные власти “оказываются совершенно не осведомленными относительно личного состава мусульманского духовенства, его происхождения, подданства и места получения образования... Совершенно не осведомлены и относительно мусульманских вероучительных школ и вообще не отдают себе самого приблизительного отчета в том, что подходит под это понятие”.<sup>12</sup>

Вопрос о целесообразности составления проектов, связанных с государственным регулированием духовной жизни последователей

<sup>8</sup> Административно к Северному Кавказу относились лишь Терская (с центром во Владикавказе) и Кубанская (с центром в Екатеринодаре) области, образованные в 1860 г. Дагестанская область с Закатальским округом принадлежали к Закавказскому краю. Ставропольская губерния была изъята из управления Кавказского края 10 мая 1899 г.

<sup>9</sup> Арапов. Система государственного регулирования ислама. С. 162; Ислам в Российской империи. С. 206.

<sup>10</sup> С. Г. Рыбаков. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи. С. 269-270.

<sup>11</sup> Кади (араб.) – судья, отправляющий правосудие на основе шариата.

<sup>12</sup> Записка об управлении мусульманского духовенства в Закавказье (1910–1913) // Центральный исторический архив Грузии (далее ЦИАГ). Канцелярия наместника на Кавказе. Ф. 13. Оп. 6. Д. 932. Л. 9 об.

ислама, проживавших на Северном Кавказе, возникал всякий раз, когда кавказская администрация занималась разработкой или пересмотром законоположений об управлении мусульманским “духовенством” Закавказского края. Так, в 1871 г. кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич (1862–1881) при обсуждении проектов Положений об управлении закавказским мусульманским духовенством суннитского и шиитского учений<sup>13</sup> признавал необходимым, но несвоевременным устройство религиозного быта мусульман Северного Кавказа.<sup>14</sup> В конце 1880-х – начале 1890-х гг., когда был поднят вопрос о пересмотре Положений 1872 г., специальная комиссия под председательством члена Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Н. Прибиля обратилась к губернаторам и начальникам областей Кавказского края с просьбой рассмотреть возможность применения новых Положений к тем областям, которые ранее не входили в юрисдикцию закавказских мусульманских духовных правлений.<sup>15</sup> В целом начальники областей, кроме военного губернатора Дагестанской области князя Н. З. Чавчавадзе, не видели препятствий для подобного решения.<sup>16</sup> Тем не менее канцелярия главноначальствующего предпочла сохранить прежние формы управления и контроля над религиозной жизнью мусульманских подданных. Показательной является аргументация князя Чавчавадзе, по мнению которого действовавшие в Дагестанской области правила удовлетворяли религиозным потребностям населения и создание духовной мусульманской иерархии стало бы непривычным для них явлением, потребовавшим к тому же дополнительных расходов из государственного бюджета.<sup>17</sup>

Тем не менее обсуждение возможности организации отдельного муфтията для мусульман Северного Кавказа не прекращалось. Среди них примечательным является проект “Положения об управлении мусульманского духовенства суннитского учения в Кубанской и Терской

<sup>13</sup> Опубликованные тексты Положений см.: Ислам в Российской империи. С. 210–247.

<sup>14</sup> Переписка об управлении закавказским мусульманским духовенством Омарова и Алиева учений (31 мая 1870 – 4 мая 1871) // ЦИАГ. Ф. 7. Департамент главного управления наместника кавказского. Оп. 1. Д. 3285. Л. 98 об.-99.

<sup>15</sup> Речь шла о Дагестанской и Карской областях, Закатальском, Батумском и Артевинском округах и Ставропольской губернии.

<sup>16</sup> Справка об устройстве магометанского духовенства в Закавказском крае (1912) // ЦИАГ. Канцелярия наместника на Кавказе. Ф. 13. Оп. 11. Д. 338. Л. 28.

<sup>17</sup> Там же.

областях”,<sup>18</sup> подготовленный по инициативе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа князя А. М. Дондукова-Корсакова (1882–1890). Представленное на рассмотрение Военного министерства<sup>19</sup> в 1889 г. Положение имело целью обеспечить надзор за действиями “духовенства” со стороны царской администрации, сократить численность служителей культа, поставив их под правительственный контроль, и ослабить их влияние на население. Кроме того, по замыслу составителя все вопросы, касавшиеся мусульман края, должны были решаться главным кавказским начальством, практически без вмешательства петербургских высших инстанций.<sup>20</sup> По меткому замечанию Д. Ю. Арапова, последнее обстоятельство вызывало у чиновников Петербурга особое недовольство.<sup>21</sup> После длительного обсуждения проекта в ДДДИИ МВД и Военном министерстве данный документ принят не был.

На рубеже XIX–XX вв. проявился системный кризис Российской империи. Мощным толчком к изменению национальной и конфессиональной политики российского государства стало нарастание революционного движения, обострение религиозного и национального вопросов. Высочайший указ “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” (12 декабря 1904 г.) и утвержденные Кабинетом министров положения “Об укреплении начал веротерпимости” (17 апреля 1905 г.) обозначили новый этап в регулировании религиозной жизни старообрядцев, “инославного” и “иноверческого” населения. В принятых документах, среди прочего, объявлялось о необходимости пересмотра законоположений, координирующих религиозный быт последователей ислама и об учреждении особых духовных управлений для мусульманских общин Северного Кавказа, Ставропольской

---

<sup>18</sup> Циркуляры, проект положения и переписка о ревизии Закавказских духовных мусульманских учреждений и об управлении мусульманского духовенства шиитского и суннитского учения в Кубанской и Терской областях (25 января 1888 г. – 12 июня 1893 г.) // ЦИАГ. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Ф. 12. Оп. 7. Д. 3539. Л. 29–38 об.

<sup>19</sup> В 1881–1898 гг. должность военного министра занимал генерал от инфантерии (1883) П. С. Ванновский.

<sup>20</sup> “Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений”. См.: Проект Положения об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа, 1889 г. // Императорская Россия. С. 121.

<sup>21</sup> Арапов. Система государственного регулирования ислама. С. 161.

губернии, Степного края и Туркестана.<sup>22</sup> Провозглашенная политика формально сделала возможным работу ряда исламских общественных организаций и собраний (мусульманских съездов, мусульманской фракции в I-IV Государственных думах<sup>23</sup>).

Однако на деле царское правительство не было настроено на глубокое реформирование системы духовного управления мусульманскими подданными империи. Поддержкой пользовались традиционные религиозные круги, зарекомендовавшие себя длительной и безупречной службой режиму. Проекты, создававшиеся представителями прогрессивной мусульманской общественности и петербургской чиновничьей элитой, имели противоположный характер. Мусульманские деятели, признавая необходимость сотрудничества с монархией, стремились к большей религиозной централизации, расширению функций и юрисдикций духовных управлений и ослаблению надзора МВД и Военного министерства над их деятельностью. В свою очередь, политическая элита Петербурга, наоборот, была нацелена на большую децентрализацию мусульманских духовных управлений, с соответственным сокращением численности служителей культа и сохранением над ними полного правительственного контроля.<sup>24</sup> Третьим участником обсуждения “мусульманского вопроса”, занимавшим промежуточную позицию, являлась кавказская администрация во главе с наместником.

Социальный взрыв, кровавые межэтнические конфликты, всплеск абречества,<sup>25</sup> крестьянские волнения вынудили царское правительство восстановить в 1905 г. кавказское наместничество, упраздненное в 1892 г.<sup>26</sup> Кавказский наместник, и ранее наделенный особыми полно-

<sup>22</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25. 1905. Отд. 1. № 26126. Санкт-Петербург, 1908. С. 262; Кавказский календарь на 1906 г. Первый отдел. Тифлис, 1906. С. 117.

<sup>23</sup> Подробнее о деятельности мусульманской фракции см.: Д. М. Усманова. Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной думе России (1906–1907). Казань, 1999.

<sup>24</sup> Подробнее о проектах см.: Арапов. Система государственного регулирования ислама. С. 187-195.

<sup>25</sup> Подробнее о социальных истоках абречества и его формах в конце XIX – начале XX в. см.: В. О. Бобровников. Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии (*Acta Eurasica*). 2000. № 1(8). С. 19-46; Ю. Ю. Карпов. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. Санкт-Петербург, 1996; В. Козачковский. Разбой на Кавказе. Очерки. Владикавказ, 1913.

<sup>26</sup> Именной указ, данный сенату, “О восстановлении должности наместника кавказского” от 26 февраля 1905 г. // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXV. Отд. I. № 25891. С. 149.

мочиями как в гражданском, так и в военном управлении краем, теперь получил еще большую независимость по отношению к центральным властям. В гражданской сфере он подчинялся непосредственно императору и приравнялся по своему статусу к рангу министра.<sup>27</sup> С созданием Совета министров, в состав которого наместник не был включен, глава кавказской администрации юридически оказался вне сферы влияния первого.<sup>28</sup> Выбор императора Николая II (1894–1917) пал на видного государственного сановника, имевшего опыт службы на Кавказе, – графа И. И. Воронцова-Дашкова (1905–1915).<sup>29</sup> Император поставил перед новым наместником поистине трудную задачу: подавить беспорядки, принявшие в крае широкий размах.

Признавая применение силовых мер лишь там, где это действительно необходимо, Воронцов-Дашков был сторонником проведения в крае обширных реформ и привлечения на сторону правительства умеренных групп местного общества. В 1907 г. им была представлена на рассмотрение императора “Всепопданнейшая записка по управлению Кавказским краем”, содержащая план преобразований.<sup>30</sup> Он состоял из пяти ключевых направлений: 1) привлечение местной общественности к управлению краем путем создания на Кавказе земских учреждений; 2) отмена военно-народной системы управления как изжившей себя и не отвечавшей новым реалиям; 3) освобождение крестьян от зависимости; 4) приближение местной власти к населению посредством ликвидации уездов и их замены более мелкими участками; 5) продолжение русской колонизации, но постепенное и только в малонаселенных районах (Черноморье и Муганская степь).<sup>31</sup> Главной целью намеченных изменений должно было стать введение на Кавказе ограниченных форм самоуправления, способствовавших постепенному умиротворению этого многонационального и поликонфессионального края. Однако видение дальней-

---

<sup>27</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 25. Отд. 1. № 26166. С. 287-288.

<sup>28</sup> Д. Т. Исмаил-Заде. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник кавказский. Москва, 2005. С. 120.

<sup>29</sup> Подробнее историю жизни и деятельности И. И. Воронцова-Дашкова см.: Исмаил-Заде. И. И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. Санкт Петербург, 2008.

<sup>30</sup> Полный текст Записки см.: Исмаил-Заде. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. С. 257-376.

<sup>31</sup> Р. А. Городницкий. Учреждения министерства внутренних дел на Кавказе в 1905–1917 гг. // Вестник Московского университета. Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 9-10. (Серия 21).

шего развития кавказского региона Воронцовым-Дашковым входило в противоречие с представлениями высших бюрократических кругов Петербурга, в особенности Министерства внутренних дел, которые считали подобную политику “потворством бунтовщикам”. Российский историк Р. А. Городницкий проанализировал три основных круга вопросов, ставших камнем преткновения кавказской администрации и МВД, а именно: подчинение местных ведомственных учреждений, реформирование полицейской службы и других сфер деятельности МВД и привлечение местного населения к управлению краем.<sup>32</sup> Не останавливаясь подробно на деталях, отмечу лишь, что сложившиеся стереотипы сказались впоследствии и на судьбе рассматриваемого в данной статье “законодательного предположения” об учреждении на Северном Кавказе отдельного духовного управления.

В этот сложный для России период формой административного обсуждения “мусульманского вопроса” стали особые совещания, собираемые для рассмотрения наиболее значимых для власти аспектов мусульманской проблематики. Так, 18 мая 1905 г. было образовано особое совещание под председательством члена Государственного совета графа А. П. Игнатьева.<sup>33</sup> На него была возложена задача по согласованию действовавших законов с именным высочайшим указом 17 апреля 1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости”. В течение года совещание при графе Игнатьеве собирало проекты и предложения от кавказской администрации на местах и от самих мусульман, но 28 мая 1906 г. оно прекратило свою работу.<sup>34</sup> Вне обсуждения остались многие инициативы, среди которых следует отметить Положение об учреждении во Владикавказе Северокавказского духовного управления во главе с муфтием. Положение было выработано в июне того же года совещанием представителей мусульман Терской и Кубанской областей, созданным по распоряжению наместника на Кавказе.<sup>35</sup>

Спустя несколько лет правительство вновь вынуждено было обратиться пристальное внимание на жизнь многочисленных последователей

<sup>32</sup> Там же. С. 1-13.

<sup>33</sup> Закавказское шитское духовное правление. Переписка с наместником на Кавказе по гражданской части о пересмотре законоположений, касающихся религиозного быта магометанского исповедания (положение, программа инструкций и др.). 7 сентября 1905 г. – 31 марта 1910 г. // Государственный исторический архив Азербайджанской республики (далее ГИААР). Ф. 290. Оп. 2. Д. 2707. Л. 1.

<sup>34</sup> Арапов. Система государственного регулирования ислама. С. 192.

<sup>35</sup> Рыбаков. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. С. 287.

ислама – подданных Российской империи. Помимо многих нерешенных внутренних проблем, на первый план вышел геополитический фактор. Еще в 1900 г. министр финансов С. Ю. Витте, обсуждая последствия Андиганского восстания 1898 г., обратил внимание коллег на то, что “наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором внешней политики”.<sup>36</sup> Развертывание революционных событий в Иране (1907–1911) и Османской Турции (1908–1909) вызвали серьезную тревогу в российских правительственных кругах. Идеологические брожения в мусульманском сообществе, в особенности в Поволжье, стали предметом тщательного обсуждения Особого совещания, проведенного в январе 1910 г. по инициативе председателя Совета министров П. А. Столыпина.<sup>37</sup> В 1913 г. во “Всепоподаннейшем отчете...” кавказский наместник Воронцов-Дашков, в целом позитивно оценивая ситуацию в мусульманских провинциях, тем не менее предостерегал, что “если нам следует в будущем бояться сепаратизма отдельных народностей на Кавказе... то разве со стороны этого (мусульманского. – *А.Г.*) населения, по его преобладающей над всеми народностями численности и возможности вспышек религиозного фанатизма, а равно в виду соседства Кавказа с мусульманскими государствами”.<sup>38</sup> Правительство России вновь стояло перед вызовом: перестроить сознание мусульманских подданных таким образом, чтобы религиозные чаяния они направляли русскому царю и видели в его лице защитника своей веры и интересов. Осуществляя политику веротерпимости, власть стремилась закрыть внешние границы, обезопасить свою легитимность от конкурентов в лице турецкого султана или германского кайзера.<sup>39</sup>

В 1913 г. Российская империя праздновала Трехсотлетие дома Романовых. Американский исследователь Роберт Круз в своей монографии “За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии” отметил, что официальные церемонии, символизировавшие единение царя и народа, торжественные молитвы и проповеди, читавшиеся в мечетях, стали для мусульманских подданных не только поводом

---

<sup>36</sup> Цит. по: Robert Crews. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, 2006. P. 347.

<sup>37</sup> Подробнее о служебных записках, рассматривавшихся в ходе данного совещания см.: Арапов. Система государственного регулирования ислама. С. 197-206.

<sup>38</sup> Всепоподаннейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Санкт-Петербург, 1913. С. 9.

<sup>39</sup> См.: Crews. *For Prophet and Tsar*. Pp. 2-3.

выразить свою лояльность монархии и патриотизм, но прежде всего возможностью заявить о своих правах как граждан этого государства.<sup>40</sup>

Исламский бум, всколыхнувший российское общество, не мог остаться незамеченным и для законотворцев. На данном этапе разработки темы трудно сказать о том, кто именно стал инициатором выступления 39 депутатов IV Государственной думы в 1913 г. с “законодательным предположением” о создании на Северном Кавказе особого духовного управления: среди подписавших документ члены различных фракций и групп, больше всего прогрессистов (18 человек) и кадетов (11 человек) и лишь два представителя мусульманской фракции.

Депутаты предлагали учредить во Владикавказе Северокавказское духовное управление во главе с муфтием<sup>41</sup> для заведывания религиозными делами мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Ставропольской губернии. Подобно проекту 1889 г., структура и организация его деятельности должны были в целом повторять Закавказское суннитское духовное правление. Выбор в пользу копирования основ существовавшего Положения, а не составления нового обуславливался несколькими объективными причинами. Положение об управлении закавказским мусульманским духовенством разрабатывалось с перерывами в течение сорока лет и представляло собой достаточно стройную, учитывавшую нюансы систему управления религиозной жизнью мусульман. Действовавшее с 1872 г., оно представляло собой устаревшую, но отработанную схему государственного регулирования ислама. Принимая во внимание географическую и культурную близость южной и северной части Кавказского хребта, принципы, заложенные в Положении 1872 г. и его статьи, во многом могли подойти к условиям, сложившимся в северокавказских областях.

Аргументируя необходимость создания муфтията, авторы документа обратились к статистике. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897) мусульман, проживавших в Терской области, было – 489.674,<sup>42</sup> в Кубанской области – 102.920,<sup>43</sup> в

---

<sup>40</sup> Цит. по: *Ibid.* P. 350.

<sup>41</sup> Муфтий (араб.) – знаток шариата, дающий разъяснения и принимающий решения по спорным вопросам; в реалиях Российской империи – титул главы мусульманских духовных управлений (муфтиятов).

<sup>42</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 68. Терская область. Санкт-Петербург, 1905. С. 57.

<sup>43</sup> Первая всеобщая перепись. Т. 65. Кубанская область. Санкт-Петербург, 1905. С. 59.

Ставропольской губернии – 38.573.<sup>44</sup> Создатели проекта апеллировали к давности включения территорий, населенных мусульманскими народами, в состав Российской империи и продолжавшемуся процессу инкорпорирования мусульманских элит в сословную и государственную структуру российского общества.

Озабоченность законоведов тем, что “до сих пор русское правительство не приняло никаких серьезных мер к упорядочению духовно-религиозной жизни этих народов, оставляя их в этом отношении в... хаотических условиях”,<sup>45</sup> вполне соответствует ориенталистскому колониальному восприятию Востока (в понимании Э. Саида и его продолжателей).<sup>46</sup> “Естественное” распространение русской цивилизации путем внедрения образования и хорошего управления воспринимается депутатами как единственно возможный и верный способ улучшения духовно-нравственного и материального состояния мусульманских подданных. Посредством духовного управления, подчиненного общеимперским законам, предполагалось решить ряд насущных проблем региона, а именно поставить под государственный контроль деятельность мусульманской духовной элиты, перестроить систему исламского образования и по возможности изжить такие характерные для традиционных обществ явления, как кровная месть, абречество и др.

Именно следствием невнимательности царских властей на Кавказе к координированию деятельности “духовенства” и реформированию системы религиозного образования объяснялась степень профессиональной подготовки *мулл*<sup>47</sup> и кади, знания которых, по мнению депутатов, не соответствовали занимаемым ими должностям. Низшему “духовенству” дается нелестная оценка, укоренившаяся в среде чиновников Петербурга и Кавказа. Следует отметить, что на Северном Кавказе был создан только низовой уровень имперской мусульманской

---

<sup>44</sup> Первая всеобщая перепись. Т. 67. Ставропольская губерния. Санкт-Петербург, 1905. С. 5.

<sup>45</sup> Об учреждении особого духовного правления (муфтиата) для мусульман Северного Кавказа и об упразднении горских словесных судов в Терской и Кубанской обл. 1913 г. Канцелярия наместника на Кавказе // ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 10.

<sup>46</sup> Э. Саид. Ориентализм. Санкт-Петербург, 2006. Обсуждение вопроса о существовании русского ориентализма см.: Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верг, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. Москва, 2005.

<sup>47</sup> Мулла (араб.) – знаток мусульманского ритуала, служитель культа. В официальных документах Российской империи этим термином обозначали всю совокупность мусульманских духовных лиц.

администрации. Проведение религиозных обрядов и исполнение административно-судебных функций было возложено на старших (*эфенди*<sup>48</sup>) и младших мулл, кади и горские словесные суды.<sup>49</sup> С 1908 года кади в Кубанской и Терской областях избирались и назначались на основании особых, изданных кавказским наместником правил. Кади являлись членами горских словесных судов, в их обязанности входило также наблюдение за подведомственным “духовенством”, мечетями и примечательными школами-*мактабами* (в официальных дореволюционных источниках их зачастую ошибочно называли *медресе, мадраса*<sup>50</sup>). Муллы, ведавшие вопросами богослужения и обрядности, избирались приговорами обществ и аульных сходов (для соборных мечетей) и квартальных сходов (для квартальных мечетей). В случае успешного прохождения испытаний на ту или иную должность, утверждались в них начальником области.<sup>51</sup> В Ставропольской губернии выбор мулл и кади также осуществлялся местным населением, и после сдачи экзаменов и подтверждения полицейскими властями их лояльности и благонадежности они определялись на соответствующие места Ставропольским губернским правлением.<sup>52</sup>

Однако права легализованной части мусульманского “духовенства” на Северном Кавказе были значительно меньше, чем в Закавказье, где государство целенаправленно создавало из служителей культа привилегированное сословие. Экономическая необеспеченность и правовая незащищенность низшего звена “духовенства” перед царскими чиновниками на местах лишала их заинтересованности и инициативы в исполнении своих обязанностей. Персональное освобождение от налогов, повинностей, воинской службы и другие льготы распространялись на сельских *имамов*<sup>53</sup> и кади только на время занятия ими духовных должностей. В случае расторжения договора с обществом на исполнение религиозных треб мулла превращался из служителя культа в “рядового поселенина”, обязанного нести все государственные повинности.

<sup>48</sup> Эфенди (перс.) – “господин”; почетный титул суннитского правоведа, знатока шариата.

<sup>49</sup> Горские словесные суды были созданы в Терской и Кубанской областях на основании “Временных правил для горских словесных судов”, утвержденных указом Правительственного сената от 30 декабря 1869 г.

<sup>50</sup> Медресе (мадраса) (араб.) – религиозное учебное заведение второй ступени.

<sup>51</sup> ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 6. Д. 932. Л. 8 об.

<sup>52</sup> Там же. Л. 11.

<sup>53</sup> Имам (араб.) – духовных руководитель мусульманской общины. В контексте повседневной жизни руководитель общей молитвой в мечети.

Необходимость сохранения заработка приводила к распространению суеверий, “веры в спасительность всякого рода талисманов и писанных муллою заговоров и отчитываний”.<sup>54</sup>

Несмотря на неустойчивость должностного статуса и слабое материальное обеспечение духовных лиц, именно муллы, по мнению депутатов, являлись “единственными возможными проводниками культуры... при полном почти отсутствии русских школ в туземных селениях”.<sup>55</sup> Как известно, реформы 1860-х – 1870-х годов сопровождались значительной трансформацией традиционной культуры населявших империю народов. Важным условием успешной адаптации к реалиям пореформенной эпохи являлась политика правительства Александра II (1855–1881) в области светского и духовного просвещения, одним из элементов которого было реформирование системы образования.

Традиционная методика преподавания в примечетных школах-мактабах, предполагавшая заучивание на слух *айатов* из Корана и обучение арабской грамоте в пределах допустимого минимума, не отвечала новым условиям. Инкорпорация кавказского мусульманского общества в систему российского образования и культуры требовала коренных преобразований в этой области. Необходимость реформ лейтмотивом проходит в трудах общественных и государственных деятелей той эпохи.<sup>56</sup> В Терской и Кубанской областях ситуация осложнялась отсутствием национальной письменности, задача по созданию которой в 1860-х гг. была возложена на П. К. Услара и его соратников.<sup>57</sup> Однако, несмотря на некоторые успехи, существенно изменить ситуацию не удалось.

В 1911 г. кавказским наместником вновь был поднят вопрос о реформе системы просвещения. В октябре граф Воронцов-Дашков поручил попечителю кавказского учебного округа Н. Ф. Рудольфу разработать проект преобразования суннитского и шиитского тифлисских мусуль-

---

<sup>54</sup> ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 10 об.

<sup>55</sup> Там же. Л. 10.

<sup>56</sup> К. Атажукин. Избранные труды / Подг. текста и вступ. ст. Р. Х. Хашхожевой. Нальчик, 1981. С. 128-131; А. Е. Крымский. Школа, образованность и литература у российских мусульман. Москва, 1905; Кавказская археографическая комиссия. Заметка о распространении просвещения и устройства школ среди горцев П. Услара. Б.д. // ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 21. 10 л.

<sup>57</sup> “Правила мусульманской веры” Магомед Шарданова / Публ. А. А. Ганич, Дж. Я. Рахаева; пер. со ст.-кабард. Б. Ч. Бижоева // Восток. 2011. № 4. С. 129; Л. П. Загурский. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1881. Кн. 12. С. 46.

манских училищ,<sup>58</sup> основанных еще в 1847–1848 гг. Признавая самобытность мусульманских народностей и право на свободное исповедание религии, наместник считал исключительно важным уделить внимание просветительской работе и “воздействовать на них посредством приобщения их к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания”.<sup>59</sup> Именно в распространении русских школ с преподаванием на местных языках глава кавказской администрации видел противовес пропаганде панисламизма и пантюркизма, наблюдавшихся в школах, где преподавали выходцы из Османской Турции или же подданные Российской империи, получившие образование за границей.<sup>60</sup>

В рамках создания муфтията депутаты предполагали открыть на Северном Кавказе мусульманскую духовную семинарию для подготовки служителей культа, в которой бы наряду с богословскими предметами шло преподавание и светских наук, в том числе русского языка.<sup>61</sup> Это позитивное для развития мусульманской школы предложение соответствовало интересам правительства. Знакомые с исламом и разбиравшиеся в ситуации на Кавказе представители российской бюрократической элиты ясно осознавали, что посредством создания высшего духовного образовательного учреждения можно ограничить влияние зарубежного “духовенства” на местных мусульман и оградить их от идеологических течений, набравших силу в Османской империи.

<sup>58</sup> ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 25 об.

<sup>59</sup> Всеподданнейший отчет. С. 10.

<sup>60</sup> См.: Там же. Политическая благонадежность мусульман, получивших духовное образование в зарубежных религиозных центрах, была предметом пристального внимания кавказской администрации с начала XIX в. Заметим, что еще в 1848 г. император Николай I (1825–1855) запретил въезд в пределы империи духовным лицам, прошедшим обучение в соседних мусульманских государствах: “Совершенно запретить въезд в пределы наши” (см.: Два распоряжения императора Николая I по “мусульманскому вопросу” / Публ. Д. Ю. Арапова // Источник. 2002. № 5. С. 19).

<sup>61</sup> Потребность подготовки “духовенства” из числа местных мусульман осознавалась чиновниками царской администрации с самого начала разработки проектов Положений об управлении закавказским мусульманским духовенством. Для этого были открыты упомянутые выше тифлиские мусульманские училища Омарова и Алиева учений, а в 1879 г. в Гори при Закавказской учительской семинарии действовало “татарское отделение” (Закавказское шиитское духовное правление. Проект о преобразовании тифлиских мусульманских училищ Омарова и Алиева учений. 1911–1916 г. // ГИААР. Ф. 290. Оп. 2. Д. 3209; О командировании Шейх уль Ислама на ревизию подведомственных Закавказскому шиитскому правлению учреждений. 1879 г. Департамент главного управления наместника кавказского // ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1997).

Прежде чем поставить данный проект на обсуждение Государственной думы Совет министров направил его в канцелярию наместника на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова с просьбой высказать официальное мнение об этой инициативе. Кавказский наместник выразил готовность заняться разработкой законопроекта об учреждении муфтията “в форме ли особого духовного управления для этой части края или преобразования существующего Закавказского суннитского духовного правления в Кавказское”.<sup>62</sup> Однако Совет министров и Министерство внутренних дел признали реализацию данного замысла неприемлемой. По мнению чиновников, он не мог обсуждаться вне государственного решения “общего вопроса об упорядочении высшего управления делами магометан в тех местностях империи, где такового управления в настоящее время не имеется”.<sup>63</sup> В регионе к их числу в то время относились не только Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния, но и Черноморская губерния, Дагестанская и Батумская области, а также Закатальский и Сухумский округа. В подробной записке министра внутренних дел Н. А. Маклакова председателю Совета министров В. Н. Коковцеву отдельным пунктом рассматривается финансовая сторона вопроса. Депутаты не упомянули источник, на который предполагалось отнести расходы по созданию муфтията, открытию духовной семинарии и проч., из чего можно допустить, что авторы проекта рассчитывали на государственное финансирование. Но, как отмечает Маклаков, “по общему духу нашего законодательства лишь господствующая церковь пользуется правом получения от государства средств для удовлетворения своих нужд. ... В отношении магометанских духовных установлений, стремления правительства были направлены к тому, чтобы производящиеся ныне из казны ассигнования на содержание магометанского духовенства, как представляющие собою известное исключение, отнюдь не были увеличиваемы, а постепенно относимы на специальные источники”.<sup>64</sup> Кроме того, на волне движения за реформирование ислама (*уsul ал-джадид*,<sup>65</sup> *джадидизм*), всколыхнувшего мусульманское общество Российской империи, и усиления пропаганды панисламизма царские чиновники опасались возможной

---

<sup>62</sup> ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 15.

<sup>63</sup> ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 19 а.

<sup>64</sup> Там же. Л. 19/2 об.

<sup>65</sup> Уsul ал-джадид (тюрк.) – обновленческое движение в исламе конца XIX – начала XX в., представители которого выступали за модернизацию мусульманской школы и использование последних достижений европейской цивилизации.

антиправительственной консолидации северокавказских мусульман во главе с “духовенством”. Решение вопроса о создании Духовного управления мусульман Северного Кавказа было вновь отложено.

Несмотря на то что попытки учреждения Северокавказского муфтията так и не увенчались успехом, изучение этого вопроса заслуживает пристального внимания в рамках исследования более широких тем, таких как конфессиональная политика Российской империи, история утверждения российской власти на Кавказе, борьба политических стратегий по реорганизации имперского политического пространства и фактор национализма в системе модернизирующейся империи. Публикуемый ниже документ позволяет по-новому взглянуть на проблему сравнительного изучения истории имперского управления и имперской политики, напоминая, что сами имперские бюрократы, идеологи и политики находились в условиях постоянной необходимости сравнения собственных шагов с опытом имперского управления и политическими кризисами в Османской империи и Иране. Будущим исследователям предстоит оценить, насколько этот сравнительный взгляд служил отправной точкой для выработки политики по “мусульманскому вопросу” в Российской империи и помогал ли отвечать на вызовы, с которыми сталкивалось российское позднеимперское общество и система управления империей.

\* \* \*

Публикуемый в архивной рубрике *Ab Imperio* документ был выявлен мной среди материалов канцелярии наместника на Кавказе, хранящихся в фонде 13 Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ). Впервые он был опубликован в журнале “Мир ислама” (1913, № 12),<sup>66</sup> выходящим под редакцией академика В. В. Бартольда. Публикация 1913 года не была снабжена легендой и какими бы то ни было комментариями. Недостаточное качество публикации и малоизвестность документа убедили меня не только в возможности, но и в необходимости представить вниманию читателей это “законодательное предположение”, сопроводив его введением и справочным аппаратом.

При подготовке текста к публикации без изменений были оставлены содержащиеся в нем формы написания имен, названий и терминов, которые исправлены и прокомментированы в примечаниях. Особенности пунктуации и орфографии, характерные для начала XX в., по возможности сохранены.

<sup>66</sup> Мир ислама. Санкт-Петербург, 1914. Т. II. Вып. 12. С. 915-919.

## SUMMARY

The “Archive” section in the present issue is dedicated to publication of the recently rediscovered text of the legislative proposal to institute a separate form of confessional governance (Spiritual Assembly) for Muslims of the North Caucasus. The proposal was initiated by the members of the Fourth Russian State Duma in 1913, but the history of contemplation of ordering religious affairs in that region dates back to the earlier periods of imperial history. The expansion of the Russian Empire in the eighteenth and nineteenth centuries prompted the imperial government to consider ways of regulating the religious affairs of the newly acquired Muslim population. In the early stages of incorporation of the North Caucasus, the imperial policy toward Muslims was influenced primarily by the course of military campaigns of the Caucasian war and relations with the bordering Ottoman and Persian empires. In later years, the question of confessional policy in the North Caucasus was linked to the religious policy of the imperial center in the South Caucasus. Proposals to institute a spiritual assembly for the North Caucasus were prompted by the introduction of these forms of confessional governance for the South Caucasus but were not followed through. In the late nineteenth and early twentieth centuries, the rise of religious and nationality questions rendered particular urgency to the idea of introducing confessional governance to the North Caucasus. A State Duma bill of 1913 devised a system of religious governance of Muslim communities in Terek, Kuban, and Stavropol’ provinces. It aimed to control ulama, reform the system of religious education, and eradicate what were considered to be excesses of Muslim traditionalism (*lex talionis*, banditry). However, the imperial government was divided on the issue. The bill was tabled in view of fears of antigovernmental consolidation of Muslims of the North Caucasus headed by the Muslim “clergy.”